

Ирена Микулацо

Университет Пулы им. Юрая Добрилы, Хорватия

irena.mikulaco@unipu.hr

 0000-0001-6813-381X

<https://orcid.org/0000-0001-6813-381X>

Галина Романова

Московский городской педагогический университет Москва, Россия

galinroma@mail.ru

 0000-0002-6173-2411

<https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>

Поэтика числа «четыре» в романах Ф.М. Достоевского

Izvorni znanstveni rad /

Original scientific paper

UDK Dostoevskij, F. M.

821.161.1.09 Dostevskij, F. M.

133.5:51

<https://doi.org/10.32728/tab.21.2024.8>

Primljeno / Received: 20. prosinca 2023.

Prihvaćeno / Accepted: 1. ožujka 2024.

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены примеры частотного использования числительного «четыре» и родственных ему слов в романах Достоевского «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Идиот». Этим числом обозначаются периоды, длящиеся четыре часа, дня, недели, года, преимущественно в предыстории героев. Не менее часто используется это число для обозначения денежных сумм (четвертак, четыре рубля, четыреста рублей) и крупного состояния (четыре дома, четыре тысячи крепостных крестьян). Сделан вывод о том, что поэтика числа в произведениях Достоевского характеризует не рациональное сознание, стремящееся все подсчитать, измерить, учесть, а передает неопределенное впечатление множества, количества, значимого для окружающих. В

нумерологии Достоевского, часто использовавшего число «четыре», проявляется стремление писателя отойти от традиционной мистики чисел, что становится особым художественным приемом, направленным на усиление достоверности, создания иллюзии реальности и особого художественного эффекта.

Ключевые слова: Достоевский, нумерология, поэтика, четыре, художественный образ, знак, значение

1. ВВЕДЕНИЕ

В художественном произведении в идеале каждое слово – знак, символ, троп. В литературном контексте так же воспринимаются и цифры (математические знаки), и обозначаемые ими количество и порядок. Исследования по *нумерологии*, имеющие длительную традицию, актуализированы в современном литературном и научном пространстве (Бидерманн 1996). Приверженцы этой концепции считают, что познание мира путем истолкования числовых значений правомерно и перспективно. Известно, что интерес к цифровой символике возник еще в античные времена, зафиксирован в высказываниях философов: Пифагора, Филолая, Авсония и др. Числа рассматривались не только как единицы измерения, но также в качестве первоначал и сущностей всех вещей (Филолай, 5 в. до н. э.). Особенно часто припоминают Платона, который, в частности, писал: «Точно так же никто, не познав [числа], никогда не сможет обрести истинного мнения о справедливом, прекрасном, благом и других подобных вещах и расчислить это для самого себя и для того, чтобы убедить другого» (Платон 1999: 443). Размышления об этом есть у Аристотеля, который приписал тезис «*все есть число*» школе пифагорейцев (Жмудь 1991). Современные философы освещают вопросы о происхождении и связи числа с мифологией (Кессиди 2003; Лосев 1995; Топоров 1980).

Читателей художественной литературы привлекает скрытая символика, заключенная в числа, которым приписывается «мистический», «сакральный» смысл, магическое значение. Возведение числа к прецедентному источнику (фольклору, Библии и т. д.), где оно многократно повторяется, становится подтверждением его архетипичности, что предопределяет характеры, отношения, развитие событий, проблемы и способ их разрешения. Предлагаются различные толкования данной символики в библейских текстах, где выделяют две группы чисел – исторические даты и символические, несущие богословский смысл. Например, число 40 (столько лет правили цари Давид и Соломон, столько дней Господь постился в Иудейской пустыне, столько же дней оставался на земле до Вознесения и т.д.) (Бидерманн 1996).

Числа имеют устойчивое символическое значение в фольклоре, о чем свидетельствуют исследования, в частности русского народного творчества. Как пишет исследователь данной проблемы,

для современного человека «арифметика не менее (скорее более) привычна, чем миф, и при этом не является столь вызывающе иррациональной» (Степанов 2004). Числа широко применялись представителями различных движений, в частности масонами, для постижения событий прошлого, настоящего и будущего, что нашло отражение в литературе (в «Войне и мире» Л. Толстого, например).

В изящной словесности с незапамятных времен использовались разнообразные перечни и списки, номинации количества, числа, меры, связанные с обыденной жизнью. В поэтике число получило права гораздо позже. Так, В. Гюго в стихотворении «Ответ на обвинения» (1834) как на достижение нового (романтического) направления указывает на введение бытовых деталей и уравнивание в правах высоких и низких понятий и слов:

Пробрался в пастораль презренный свинопас,

Король осмелился спросить: «Который час?»

<...>

Я цифрам дал права! Отныне — Митридату

Легко Кизикского сраженья вспомнить дату.

Бытовой вопрос и цифры сменяют сложное описание и перифразу («Я перебил хребты ползучим перифразам» – Гюго) в произведениях европейских романтиков, что поначалу рассматривалось как нарушение правил традиционной поэтики. Особое значение числа приобретают в литературе реализма, создающей иллюзию реальности и достоверности изображенных явлений.

2. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема поэтических функций чисел, их содержательной значимости в художественной литературе, в частности в произведениях Ф.М. Достоевского, еще не изучалась специально, но затрагивалась в связи с анализом пространственно-временной организации, изучением мотива денег и других особенностей художественного мира,

предполагающих числовое выражение. Восполнить этот пробел – цель данной статьи. Для ее достижения используется статистический метод, элементы мифопоэтического и структурно-семиотического подходов.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Для русской словесности на значение чисел характерен вполне трезвый взгляд, по крайней мере, начиная с XVIII в. Например, в «Письмах русского путешественника» (1792) Н.М. Карамзина с одобрением приводится саркастическое мнение об увлечении европейских аристократов нумерологией, проявившееся накануне Французской революции, когда «*математическими посылками и числами изъясняли красоты „Новой Элоизы“*. Все философствовали, важничали, хитрили и вводили в язык новые странные выражения...» (Карамзин 1984: 313. Курсив наш. – Г.Р., И.М.). Негативная оценка и подозрительное отношение к нумерологическим *хитростям* здесь очевидна. По отношению к произведениям Достоевского гораздо более важным представляется исследование не тайного смысла чисел, но использование их как *элемента художественной речи* и приема создания поэтического мира произведений. Числа, выраженные словами или цифрами, наравне с тропами выполняют разнообразные художественные функции.

В эпистолярном романе Достоевского «**Бедные люди**» (1846) деление повествования на письма, т.е. его фрагментарность, является *композиционным приемом*, характерным для жанра переписки, которая в романе началась 27 июля, а закончилась 30 сентября. Прерывистость течения времени в указанный период (неравномерные промежутки времени между письмами) осложняется ретроспективной историей героини, прошлое которой представлено как особая, концентрическая сюжетная линия. В центре воспоминаний – учеба и общение со студентом Покровским, мать которого «умерла еще в молодых годах, года четыре спустя после замужества» (Достоевский 1988: 54). Именно в этот четырехлетний период девушка выделяет «лучший день в целые четыре года» своей жизни (Достоевский 1988: 66).

Так же и Макар Девушкин в рассказе о своей первой влюбленности очерчивает пространственные параметры, указывая, что «в театре, в четвертом ярусе, в галерее» оказался с друзьями. А позже, поджидая

актрису, «всё мимо ее окон ходил. Она жила на Невском, в четвертом этаже». Счет времени на дни идет в настоящем и связан с проблемами героя, который, напившись от безнадёжности, «четыре дня пропадал» (Достоевский 1988: 87, 88, 92).

Обильные числовые обозначения связаны с деньгами, со счетом мелочи. Так, студент выделял своему отцу, склонному к алкоголизму, «по четвертачку, по полтинничку или больше» (Достоевский 1988: 56). Значения этих слов связаны с делением рубля на четыре части: «четвертачок» означает четверть, четвертую часть рубля, т.е. 25 копеек, полтинник – половину, т.е. 50 копеек. Относительность и неэнергичность чисел в романе усиливается устойчивыми разговорными конструкциями. Для обозначения небольшой группы людей также используется преимущественно числительное «четыре»: в книжном магазине возле посетителя «столпились четверо или пятеро букинистов; они его сбили с последнего толку, затормошили совсем». Бедного чиновника Горшкова «усадили играть за четвертого. Он поиграл, поиграл, напутал в игре какого-то вздора, сделал три – четыре хода и бросил играть» (Достоевский 1988: 63, 133). Произвольность чисел, условные конструкции *три-четыре*, и т.д. вызывают впечатление приблизительности и необязательности подсчета. Тем не менее высокая частотность употребления числа *четыре* в произведениях Достоевского обращает на себя внимание.

В романе **«Униженные и оскорбленные»** (1861) писатель Иван Петрович, от лица которого ведется повествование, отмечает: «Я не мистик, в предчувствия и гаданья почти не верю; однако со мною, как, может быть, и со всеми, случилось в жизни несколько происшествий, довольно необъяснимых» (Достоевский 1989: 6). Отчасти это мнение объясняет тот факт, что называемые им цифры носят случайный характер. Однако обращает на себя внимание его странное пристрастие к цифре «четыре». Используются характерные для повседневной речи метафорические выражения «в четырех стенах», «на все четыре стороны» («сделано было распоряжение отпустить Ихменева на все четыре стороны»), приблизительные обозначения («трех или четырех»), а также необычная для русского языка калька с немецкого («unter vier Augen sprechen»): «поговорить с ней между четырех глаз и что-нибудь выведать...» (Достоевский 1989: 205). Число четыре, обозначающее часы, дни, месяцы, годы связано с продолжительностью действий персонажей в прошлом.

В романе срок в четыре дня и вовсе приобретает символическое значение, так как именно в четыре дня произошли поворотные события в развитии отношений любовного треугольника: Алеши, Наташи, Кати. Именно четыре дня понадобились Алеше, чтобы влюбиться в другую. Обозначение времени в высказываниях каждого из участников событий имеет совершенно разный психологический смысл. Ветреный Алеша «весело и счастливо провел эти четыре дня»: «Вообще я весь переменялся в эти четыре дня, совершенно, совершенно переменялся...». Князь злорадствует и притворно осуждает сына за забывчивость и нарушение слова: «...в какой ад ты обратил для нее эти четыре дня, которые, напротив, должны бы быть лучшими днями ее жизни». Наташа в те же дни постигает глубинный смысл происшедшего: «Я ходила эти четыре дня здесь по комнате и догадалась обо всем» (Достоевский 1989: 171, 180, 192). Катя придает совсем другой смысл этому сроку: «А вы все-таки лишних четыре дня пробудете вместе, – вскрикнула восхищенная Катя, обменявшись многозначительным взглядом с Наташей» (Достоевский 1989: 285). Таким образом, в четыре дня безответственный и эгоистичный Алеша объективно содействует князю, счастье Наташи разрушено, она унижена, благие намерения Кати бесполезны, зло торжествует.

О том, что обозначение «четыре» не случайно, свидетельствует его применение в другой сюжетной линии. Очень напряженными и насыщенными событиями оказываются в романе четыре дня болезни Нелли: «Бедняжка очень похудела в эти четыре дня болезни: глаза ввалились, жар всё еще не проходил»; «Первые четыре дня ее болезни мы, я и доктор, ужасно за нее боялись, но на пятый день доктор отвел меня в сторону и сказал мне, что бояться нечего и она непременно выздоровеет»; «Уже четыре дня как она почти не говорила со мной» (Достоевский 1989: 252, 251, 260).

Кроме обозначения времени, число четыре становится значимым при денежных подсчетах, как, например, в разговоре Маслобоева с писателем: «ибо одна надобность, положим, рубль стоит, а другая вчетверо стоит; так дурак же я буду, если за рубль передам ему то, что четырех стоит». В сценах скандалов также доминирует то же число: например, четыре рубля, ставшие причиной ссоры Нелли с дедом. Она рассказала, как старик Смит «распорол свою подушку, с нижнего уголка, и вынул четыре целковых. Когда вынул, принес их мне и сказал: “Это тебе одной”. Я было взяла, но потом подумала и сказала: “Коли

мне одной, так не возьму”. Дедушка вдруг рассердился и сказал мне: “Ну, бери как знаешь, ступай”. Я вышла, а он и не поцеловал меня» (Достоевский 1989: 331, 304-305).

Наряду с простым количественным числительным «четыре» Достоевский использует родственные и однокоренные слова: четырнадцать, четыреста. Так, квартирная хозяйка напоминает Нелли о том, что «ее поганке-матери четырнадцать целковых долгу простила, на свой счет похоронила, чертенка ее на воспитание взяла!» Князь «прислал Николаю Сергеичу доверенность на покупку другого превосходнейшего имения в четыреста душ». Через четырнадцать лет произошла ссора между князем и Ихменевым.

Четырнадцать лет – рубежный возраст героев Достоевского, означающий переход от детства к взрослой жизни. В России во второй четверти XIX века юношам дозволялось жениться в восемнадцать лет, а девушкам выходить замуж в шестнадцать. Однако Достоевский понимал условность и неудовлетворительность этой границы. Его негативные героини нарушают и эту, слишком рано признаваемую грань, собираясь (как Свидригайлов в «Преступлении и наказании») жениться на несовершеннолетних девочках, родителями которых движут корыстные расчеты. Так, князь невесту «себе еще в прошлом году приглядел; ей было тогда всего четырнадцать лет, теперь ей уж пятнадцать, кажется, еще в фартучке ходит, бедняжка. Родители рады!». О том же, по сути, разговор Ивана и Наташи о маленькой Нелли:

- Это начало любви, женской любви...

- Что ты, Наташа, полно! Ведь она ребенок!

- Которому скоро четырнадцать лет (Достоевский 1989: 270).

Количественный показатель, часто условный, приблизительный, обозначаемый словами, содержащими корень *четыр-*, конечно, не является определяющим в характеристике персонажей Достоевского, не акцентирован в тексте, производит впечатление необязательности, мало заметен. Однако частота повторения в речи персонажей и повествователей в произведениях разных жанров, наводит на мысль о неслучайности его использования. Эти числительные можно рассматривать как приметку стиля Достоевского, его знак.

Соответственно, возникает необходимость в определении его значения.

Пристрастие к числу четыре проявилось и в романе **«Идиот»** (1868), в котором используется практически весь числовой ряд. Пристрастие к цифрам, конкретизирующим представления читателей о предметах, вызывающих ассоциации со средним количеством предметов, о приблизительном, «на глаз» указании числа, нередко присутствует в одном высказывании персонажа. Например, в рассказе Рогожина о картинах в доме отца передана специфика аукциона, на котором повышаются цены: «Вот эти все здесь картины, – сказал он, – всё за рубль да за два на аукционах куплены батюшкой покойным, он любил. ... вот картина, над дверью, тоже за два целковых купленная, – говорит, не дрянь. Еще родителю за нее один выискался, что триста пятьдесят рублей давал, а Савельев ... так тот до четырехсот доходил, а на прошлой неделе брату Семену Семенычу уж и пятьсот предложил» (Достоевский 1989: 219).

Основными «сакральными» цифрами исследователи называют цифры «три», «пять» и «семь» (Кириллин 2000). Сакральный смысл числа четыре, как важной художественной детали, очень редко звучит в романе, оставаясь на периферийном поле значений слова, например, в рассказе князя Мышкина о поведении приговоренного к казни: «священник молча ему крест к самым губам вдруг подставлял, маленький такой крест, серебряный, четырехконечный...». Лебедев, философски характеризуя человеческую натуру, обобщает: «... оскорбите тщеславие которого-нибудь из сих бесчисленных друзей человечества, и он тотчас же готов зажечь мир с четырех концов из мелкого мщения» (Достоевский 1989: 68, 377).

Символика числа четыре характерна для *предыстории* героев Достоевского. В самом начале романа молодой человек «в швейцарском плаще объявил, между прочим, что действительно долго не был в России, с лишком четыре года» – в восприятии князя Мышкина четыре года – долгий срок. Все четыре года он «в деревне сидел», «постоянно учился». С точки зрения Настасьи Филипповны, это «четырёхлетнее счастье в деревне». Саму главную героиню романа, по распоряжению г-на Тоцкого, также поселили «в деревенском доме, и воспитание маленькой Настасьи приняло чрезвычайные размеры. Ровно через четыре года это воспитание кончилось». Начался новый четырехлетний

период в ее жизни. Для развратного барина это тоже было «довольно долгое время, года четыре», которое он прожил «спокойно и счастливо, со вкусом и изящно», не задумываясь о последствиях: «Тоцкий долго не мог простить себе, что он четыре года глядел и не разглядел» (Достоевский 1989: 43, 46).

В художественном мире романа число четыре характерно для создания *эффекта достоверности и наглядности*. Указание длины, высоты, объема, а также количества предметов подчеркивает уникальность вещей, наполняющих поэтическую реальность, их необычность. Это и описание «странного предмета» – пакета с огромными деньгами, которые принес Рогожин для Настасьи Филипповны: «Это была большая пачка бумаги, вершка три в высоту и вершка четыре в длину, крепко и плотно завернутая в Биржевые ведомости"...». Группа молодых людей, явившаяся к князю Мышкину с обвинениями, также состоит из «четырех человек», во главе с сыном Павлищева, Настасья Филипповна с «рогожинской ватагой» покидает дом «на четырех тройках с колокольчиками» (Достоевский 1989: 165, 179).

Реже четверка встречается в *итеративном повествовании* об обыденных событиях (Гаврила Ардалионович «по средам всегда приходит работать и никогда раньше четырех не уходил»; Рогожин рассказывает князю о порядке в своем доме: «когда меня нет, я и ключи уожу, и никто без меня по три, по четыре дня и прибирать не входит, таково мое заведение»; «все тащили свои деньги в ломбард и натащили туда миллиарды под четыре процента» (Достоевский 1989: 80, 608, 326)).

Для усиления впечатления *многократности*, повествователь указывает (вопреки традиции) не на троекратное повторение, а на четырежды совершенное действие. Так, разыскивая Настасью Филипповну, «учительша» побывала «в четырех местах и даже заезжала к Рогожину». Лебедев сообщает князю, что Рогожина «раза четыре уже в последнюю неделю встречал» в Павловске.

Число четыре вносит значение некоторой *чрезмерности, превышения возможностей*. Так, рассуждая о характере ростовщика Птицына, предел мечтаний которого – иметь три дома в Петербурге, повествователь делает вывод: «Природа любит и ласкает таких людей:

она вознаградит Птицына не тремя, а четырьмя» домами. Богатство Павлицева, благодетеля князя, измеряется количеством крепостных: «четыре тысячи душ в свое время имели-с» (Достоевский 1989: 466). Это указание отсылает читателей к литературной традиции, начатой Н.В. Гоголем в поэме «Мёртвые души» (1842). Но Чичиков мечтал приобрести одну тысячу душ, к этому же стремился позже и герой романа А.Ф. Писемского «Тысяча душ» (1858). Состояние персонажа Достоевского, таким образом, оказывается более прочным и солидным.

Сложные числительные с корнем *четыр-* сопровождается *скандальные действия* и поступки героев. Так, Рогожин на все деньги, которые ему дал отец для деловых расчетов, купил пару бриллиантовых подвесок для героини, при этом «четыреста рублей должен остался». У Лебедева пропали (были украдены) четыреста рублей серебром, при этом в комнате находились четверо, как посчитал потерпевший, который «пришел и себя для справедливости и для порядку» (Достоевский 1989: 446).

В *фантастических*, шокирующих картинах упоминается число четыре (не характерное для фольклора) для создания иллюзии реальности происходящего. Ипполит, описывая свое видение ужасного животного, чудовища, «вроде скорпиона», указывает: «гад длиной вершка в четыре, у головы толщиной в два пальца, к хвосту постепенно тоньше, так что самый кончик хвоста толщиной не больше десятой доли вершка» (Достоевский 1989: 391). В финале романа Рогожин у тела убитой им Настасьи Филипповны «четыре стклянки ждановской жидкости откупоренной поставил»¹ (Достоевский 1989: 609).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая изложенные наблюдения за функциями числительных в трех романах Достоевского 1840-х и 1860-х гг., отметим, что числительное четыре и родственные ему (четырнадцать, четыреста, четверть) являются одними из самых частотных. В связи с этим можно предположить, что их применение не случайно. Обозначаемые ими количественные характеристики в контексте художественного целого приобретают дополнительный эстетический смысл, вполне

1 Средство для нейтрализации зловония и дезинфекции, изобретенное в России в 1840-е гг. Н.И. Ждановым.

осознаваемый автором. Это периоды, длящиеся четыре часа, дня, недели, года. Значение этого числа связано и с обозначением денежных сумм (четвертак, четыре рубля, четыреста рублей) и значительного состояния (четыре дома, четыре тысячи крепостных крестьян). Поэтика числа в произведениях Достоевского характеризует не рациональное сознание, стремящееся все подсчитать, измерить, учесть, а передает неопределенное впечатление множества, количества, значимого для окружающих. Можно сделать вывод о том, что в нумерологии Достоевского, часто использовавшего это число, проявляется стремление писателя отойти от традиционной мистики чисел, что становится особым художественным приемом, направленным на усиление достоверности, создания иллюзии реальности и особого художественного эффекта. Читателями воспринимается как вполне органичный элемент поэтики произведений Достоевского, знак условности, передающий скорее впечатления, чем объективные параметры явлений.

ЛИТЕРАТУРА

- Бидерманн Г. (1996). *Энциклопедия символов*. М.: Просвещение.
- Достоевский, Ф.М. (1988–1989). *Собрание сочинений: в 15 т.* Ленинград: Наука, тт. 1, 4, 6.
- Жадаев А. (2011). *Нумерология на компьютере. Расчеты судьбы на компьютере по методике Пифагора*. Москва: ДМК Пресс.
- Жмудь Л. (1991). «Все есть число»? (К интерпретации «основной доктрины» пифагореизма), в: *Mathesis. Из истории античной науки и философии*. Москва: Наука.
- Маклин П. (2002). *Нумерология и судьба / перевод с английского*. Москва: Мир книги.
- Карамзин Н.М. (1984). *Сочинения: в 2 т.* Ленинград: Художественная литература, т.1.
- Кессиди Ф. (2003). *От мифа к логосу. Становление греческой философии*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Лосев А.Ф. (1995). *Словарь античной философии*. Москва: Мир идей; АО Акрон.
- Кириллин В.М. (2000). *Символика чисел в литературе Древней Руси (XI—XVI века)*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Ольшевская Н. (2012). *Большая книга нумерологии*. Москва: АСТ.
- Платон (1999). *Законы / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи*. Москва: Мысль.
- Романова Г. (2020). *Актуальность классики: «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина в свете рецептивной эстетики*. Москва: МГПУ.
- Сатанар М.Т., Илларионов В.В. (2017). Сакральная символика эпического числительного «четыре», в: *МНКО*. №2 (63).
- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakralnaya-simvolika-epicheskogo-chislitel'nogo-chetyre> (дата обращения: 19. 4. 2024).
- Степанов А. (2004). *Число и культура: Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории*. Москва: Языки славянской культуры. URL: <https://rbook.me/book/7471296/read/page/16/> (дата обращения: 4. 4. 2019).
- Топоров В.Н. (1980). О числовых моделях в архаичных текстах, в: *Структура текста*. Москва: Наука.

Топоров В.Н. (2004). Число и текст; Числовой код в заговорах; Заметка о числовом коде русских загадок, в: Топоров В.Н.: *Исследования по этимологии и семантике. Теория и некоторые частные ее приложения*. Москва: Языки славянской культуры.

Irena Mikulaco

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska
irena.mikulaco@unipu.hr

Galina Romanova

Moskovsko gradsko sveučilište, Moskva, Rusija
galinroma@mail.ru

S ruskog prevela: Irena Mikulaco

Poetika broja „četiri” u romanima F. M. Dostojevskog

SAŽETAK

U radu se razmatraju primjeri učestalosti uporabe broja „četiri” i srodnih riječi u romanima Dostojevskog *Jadnici*, *Poniženi i uvrijeđeni* i *Idiot*. Ovaj broj označava razdoblja od četiri sata, dana, tjedna, godine, uglavnom u pozadini junaka. Taj se broj ne manje često koristi za označavanje novčanih iznosa (četvrtina rublja, četiri rublja, četiri stotine rubalja) i velikih bogatstava (četiri kuće, četiri tisuće kmetova). Zaključuje se da poetika broja u djelima Dostojevskog ne karakterizira racionalnu svijest, težnju da se sve prebroji, izmjeri, utvrdi izračunom, već prenosi neodređeni dojam mnoštva, kvantitete, značajne za one koji ga okružuju. U numerologiji Dostojevskog, koji je često koristio broj četiri, očituje se piščeva želja za odmakom od tradicionalne mistike brojeva, koja postaje poseban umjetnički postupak usmjeren na pojačavanje autentičnosti, stvaranja iluzije stvarnosti i posebnoga umjetničkog efekta.

Ključne riječi: Dostojevski, numerologija, poetika, četiri, umjetnička slika, znak, značenje

1. UVOD

U umjetničkom djelu idealno je da je svaka riječ znak, simbol, trop. U književnom se kontekstu brojevi (matematički simboli) kao i njihova količina i redoslijed koji označavaju percipiraju na isti način. Istraživanja numerologije, koja imaju dugu tradiciju, aktualizirana su u suvremenom književnom i znanstvenom prostoru (Biedermann 1996). Pristaše ovoga koncepta vjeruju da je razumijevanje svijeta kroz interpretaciju numeričkih vrijednosti legitimno i obećavajuće. Poznato je da se zanimanje za simboliku brojeva javilo još u antičko doba, što je zabilježeno u izjavama filozofa, primjerice Pitagore, Filolaja, Ausonija itd. Brojevi su smatrani ne samo mjernim jedinicama već i izvorima i biti svih stvari (Filolaj, 5. stoljeće pr. n. e.). Osobito se često navodi Platona koji je, naime, zapisao: „Tako nitko, bez poznavanja [brojeva], nikada neće moći spoznati o pravednom, lijepom, dobrom i drugim sličnim stvarima te razjasniti samome sebi kako bi uvjerio drugoga“ (Platon 1999: 443). O tome je promišljao Aristotel, koji je tezu „sve je broj“ pripisao Pitagorejcima (Zhmud 1991). Suvremeni filozofi osvjetljavaju pitanja o podrijetlu i povezanosti broja s mitologijom (Kessidi 2003; Losev 1995; Toporov 1980).

Čitatelje književnoga teksta privlači skrivena simbolika sadržana u brojevima, kojima se pripisuje „mistični“, „sveti“ smisao, magično značenje. Dovodeći broj u odnos s precedentnim izvorom (folklorom, Biblijom i sl.), gdje se više puta ponavlja, potvrđuje se njegova arhetipska priroda koja predodređuje likove, odnose, razvoje događaja, probleme i način njihova rješavanja. Predlažu se različita tumačenja ove simbolike u biblijskim tekstovima, pri čemu se razlikuju dvije skupine brojeva – povijesni datumi i oni simbolički, koji nose teološko značenje. Na primjer, broj 40 (toliko su godina vladali kraljevi David i Salomon, toliko je dana Gospodin postio u Judejskoj pustinji, isto toliko dana ostao je na zemlji do Uzašašća itd.) (Biedermann 1996).

Brojevi imaju stabilno simboličko značenje u folkloru, o čemu svjedoče istraživanja, posebno ruskoga narodnog stvaralaštva. Kako piše istraživač ovoga problema, za suvremenoga čovjeka „aritmetika nije ništa manje (odnosno više) poznata od mita, a u isto vrijeme nije tako prkosno iracionalna“ (Stepanov 2004). Brojevima su se naširoko služili predstavnici raznih pokreta, posebice slobodnih zidara (masona), za razumijevanje događaja iz prošlosti, sadašnjosti i budućnosti, što se ogleda u književnosti (na primjer u *Ratu i miru* L. Tolstoja).

Književnost se od pamtivijeka služila raznim listama i popisima, nominacijama količina, brojeva i mjera vezanih za svakodnevni život. U poetici je broj dobio prava puno kasnije. Tako V. Hugo u pjesmi *Odgovor na optužbe* (1834) ukazuje da je uvođenje svakodnevnih pojedinosti i izjednačavanje visokih i niskih pojmova i riječi postignuće novog (romantičarskog) pravca:

Ušuljao se u pastoralu prezreni svinjar,

Kralj se usudio upitati: „Koliko je sati?“

<...>

Brojevima sam dao pravo! Od sada — Mitridatu

Lako je zapamtiti datum bitke kod Kizika.

Svakodnevne teme i brojevi zamjenjuju se složenim opisima i perifrazama („Razbio sam grebene puzajućih perifraza” – Hugo) u djelima europskih romantičara, što se u početku smatralo kršenjem pravila tradicionalne poetike. Posebno značenje brojevi dobivaju u književnosti realizma, stvarajući privid zbilje i autentičnosti prikazanih pojava.

2. METODE ISTRAŽIVANJA

Problem poetskih funkcija brojeva, njihovo smisljeno značenje u književnosti, posebice u djelima F. M. Dostojevskog, još nije posebno proučavano, ali je problematika dotaknuta u analizi prostorno-vremenske organizacije, proučavanjem motiva novca i drugih obilježja umjetničkoga svijeta koja uključuju numerički izraz. Popunjavanje te praznine cilj je ovoga članka. Da bi se postigao cilj, koristile su se statistička metoda, elementi mitopoetskoga i strukturalno-semiotičkoga pristupa.

3. REZULTATI I DISKUSIJA

Rusku književnost karakterizira potpuno trezven pogled na značenje brojeva, barem od 18. stoljeća. Na primjer, u *Pismima ruskog putnika* (1792) N. M. Karamzin s odobravanjem navodi sarkastično mišljenje o fascinaciji europskih aristokrata za numerologijom, koja se pojavila uoči Francuske

revolucije, kada su „*matematičkim premisama i brojevima objašnjavali ljepotu 'Nove Heloise'*“. Svi su *filozofirali, pravili se važni, mudrovali* i uvodili u jezik nove čudne izraze...“ (Karamzin 1984: 313. Kurziv je naš – *G. R., I. M.*). Negativna kritika i sumnjičav odnos prema numerološkim *mudrovanjem* ovdje je očita. U odnosu na djela Dostojevskog, čini se mnogo važnijim proučavati ne tajno značenje brojeva, već njihovu uporabu kao *elementa umjetničkog govora* i postupke stvaranja poetskoga svijeta djela. Brojevi, izraženi riječima ili brojkama, uz trope, obavljaju različite umjetničke funkcije.

U epistolarnom romanu Dostojevskog *Bijedni ljudi* (1846) pripovijedanje je podijeljeno u pisma, tj. njegova je fragmentacija *kompozicijska tehnika* karakteristična za žanr korespondencije, koja je u romanu započela 27. srpnja, a završila 30. rujna. Isprekidanost protoka vremena u naznačenom razdoblju (neujednačena razdoblja između pisama) zamršena je retrospektivnom poviješću junakinje čija je prošlost prikazana kao posebna, koncentrična sižejna linija. U središtu su pozornosti sjećanje na školovanje i komunikaciju sa studentom Pokrovskim, čija je majka „umrla još mlada, *četiri* godine nakon udaje“ (Dostojevski 1988: 54). Upravo u tom četverogodišnjem razdoblju djevojka izdvaja „najbolji dan u sve *četiri* godine“ svojega života (Dostojevski 1988: 66).

Na isti način Makar Devuškin u priči o svojoj prvoj ljubavi ocrta prostorne parametre, govoreći da se „u kazalištu, u *četvrtom* redu, na galeriji“ našao s prijateljima. I kasnije, čekajući glumicu, „stalno sam prolazio pokraj njezinih prozora. Živjela je na Nevskom, na *četvrtom* katu.“ Brojanje vremena po danima događa se u sadašnjosti i povezuje se s problemima junaka, koji je, napivši se od beznađa, „*četiri* dana nestajao“ (Dostojevski 1988: 87, 88, 92)

Obilne numeričke oznake povezane su s novcem, s brojanjem sitniša. Tako je student svome ocu, sklonom alkoholizmu, davao „*četvrt*, pola ili više“¹ (Dostojevski 1988: 56). Značenja ovih riječi povezana su s podjelom rublje na četiri dijela: „*četvetačok*“ znači četvrtina, četvrtinu rublja, tj. 25 kopjejk, „*poltinnik*“ – pola rublja, tj. 50 kopjejk. Relativnost i beživotnost brojeva u romanu pojačana je stabilnim razgovornim konstrukcijama. Broj četiri pretežno se koristi za označavanje male skupine ljudi: u knjižari, blizu posjetitelja, „nagurala su se *četiri* ili pet antikvara; oni su ga sasvim zbunili i potpuno smeli“. Jadnog činovnika Gorškova „posjeli su da igra za četvrtog. Igrao je i igrao, pomiješao je neke gluposti u igri, napravio je

1 Op. prev. Misli se na 25 i 50 kopjejk (rus. четвертачка, полтинник – četvertačka, poltinnik)

tri-četiri poteza i prestao igrati" (Dostojevski 1988: 63, 133). Proizvoljnost brojeva, uvjetne konstrukcije *tri-četiri* itd. ostavljaju dojam da je izračun približan i nepotreban. Ipak, velika učestalost upotrebe broja četiri u djelima Dostojevskog privlači pozornost.

U romanu *Poniženi i uvrijeđeni* (1861) pisac Ivan Petrovič pripovijeda kao lik u romanu sljedeće: „Ja nisam mistik, gotovo da ne vjerujem u predosjećaje i proricanje sudbine; međutim, meni, kao možda i svima ostalima, dogodilo se u životu nekoliko prilično neobjašnjivih događaja" (Dostojevski 1989: 6). Ovo mišljenje djelomično se objašnjava činjenicom da su brojevi koje navodi nasumični. Međutim, njegova čudna sklonost broju četiri vrijedna je pažnje. Metaforički izrazi karakteristični za svakodnevni govor su „u četiri zida“, „na sve četiri strane“2 („naređeno je da se Ihmenjeva pusti na slobodu“), približnog označavanja („tri ili četiri“), kao i za ruski jezik neuobičajenoga posuđivanja iz njemačkoga („unter vier Augen sprechen“): „razgovarati s njom u četiri oka i nešto doznati..." (Dostojevski 1989: 205). Broj četiri, koji označava sate, dane, mjesece, godine, povezuje se s trajanjem radnji likova u prošlosti.

Razdoblje od četiri dana u romanu dobiva simbolično značenje, budući da su se upravo u četiri dana odigrali prijelomni događaji u razvoju odnosa ljubavnog trokuta: Aljoše, Nataše, Katje. Aljoši su bila potrebna točno četiri dana da se zaljubi u drugu. Označavanje vremena u izjavama svakog od sudionika događaja ima sasvim drugačije psihološko značenje. Lakomislen Aljoša „veselo je i sretno proveo ta četiri dana": „Uglavnom, potpuno sam se promijenio u ova četiri dana, potpuno, potpuno samo se promijenio...". Knez likuje i hinjeno osuđuje sina zbog zaborava i kršenja dane riječi: „...u kakav si joj pakao pretvorio ova četiri dana, koji su joj, naprotiv, trebali biti najbolji dani u životu." Nataša tih istih dana shvaća duboki smisao onoga što se dogodilo: „Ova sam četiri dana hodala po sobi i sve sam shvatila" (Dostojevski 1989: 171, 180, 192). Katja tom istom razdoblju pridaje potpuno drugačije značenje: „Ali vi ćete ipak četiri dodatna dana provesti zajedno“, uzviknula je ushićena Katja, razmijenivši značajan pogled s Natašom" (Dostojevski 1989: 285). Tako u četiri dana neodgovorni i sebični Aljoša objektivno pomaže knezu, Natašina sreća je uništena, ona je ponižena, Katjine dobre namjere su beskorisne, zlo pobjeđuje.

2 Op. prev. Pustiti na slobodu, da radi što hoće. U ruskom se jeziku u frazemu upotrebljava broj četiri (rus. «Отпустить на все четыре стороны», Отпустит' na vse četyre storony).

Da broj četiri nije slučajna svjedoči i njegova uporaba u drugoj sižejnoj liniji. Vrlo intenzivna i bogata događajima u romanu su četiri dana Neline bolesti: „Jadnica je u ova četiri dana bolesti jako smršavjela: oči su joj upale, groznica još nije prošla“; „Prva četiri dana njezine bolesti mi, doktor i ja, strahovito smo se bojali za nju, ali peti dan liječnik me odveo u stranu i rekao mi da se nemam čega bojati i da će sigurno ozdraviti“; „Prošla su četiri dana otkako je jedva progovorila sa mnom.“ (Dostojevski 1989: 252, 251, 260).

Osim označavanja vremena, broj četiri postaje značajan u novčanim proračunima, kao, na primjer, u razgovoru Maslobojeva s piscem: „ako jedna potreba, recimo, vrijedi rubalj, a druga vrijedi četiri puta više; ja ću ispasti budala, ako mu za rubalj dam ono što vrijedi četiri.“ U scenama skandala također dominira isti broj: na primjer, četiri rublja koja su postala uzrokom Neline svađe s djedom. Ispričala je kako je starac Smit „rasporio svoj jastuk, od donjeg kuta, i izvadio četiri rublja. Kad ih je izvadio, donio mi ih je i rekao: „Ovo je samo za tebe“. Htjela sam uzeti, ali onda sam pomislila i rekla: „Ako su samo za mene, neću ih uzeti.“ Djed se odjednom naljutio i rekao mi: „Dobro, uzmi kako hoćeš, idi“. Izašla sam, ali on me nije poljubio“ (Dostojevski 1989: 331, 304-305).

Uz jednostavni glavni broj „četiri“, Dostojevski koristi srodne i istokorijenske riječi: četrnaest, četiri stotine. Tako se gazdarica prisjeća Neli da je „svojoj poganoj majci oprostila dug od četrnaest rubalja, pokopala ju je o svom trošku i uzela je njezinog vražića da ga odgaja!“. Knez je „poslao Nikolaju Sergejiču punomoć za kupnju nekog drugog izvanrednog od četiri stotine duša.“ Četrnaest godina kasnije došlo je do svađe između kneza i Ihmenjeva.

Četrnaest godina je prekretnica za junake Dostojevskog. Ta dobna granica označava prijelaz iz djetinjstva u odraslu dob. U Rusiji su se u drugoj četvrtini 19. stoljeća dječaci smjeli ženiti s osamnaest, a djevojke udati sa šesnaest godina. Međutim, Dostojevski je shvaćao konvencionalnost i nezadovoljavajuću prirodu te granice. Njegovi negativni junaci također krše ovu prerano priznatu granicu i planiraju se (poput Svidrigajlova u *Zločinu i kazni*) ženiti maloljetnim djevojkama čiji su roditelji vođeni koristoljubljem. Dakle, knez je sebi nevjestu „još prošle godine odabrao; imala je tada samo četrnaest godina, sad joj je petnaest, čini se da još nosi pregaču, jadnica. Roditelji su sretni!“.

Zapravo o istoj stvari vode razgovor Ivan i Nataša, o maloj Neli:

„ – To je početak ljubavi, ženske ljubavi...

– O čemu pričaš, Nataša! Ipak je ona dijete!

– Koje će uskoro napuniti četrnaest godina“ (Dostojevski 1989: 270).

Kvantitativni pokazatelj, često uvjetan, približan, označen riječima s korijenom četir-, naravno, nije odlučujući u karakterizaciji likova Dostojevskog, nije naglašen u tekstu, ostavlja dojam neobveznosti i malo je uočljiv. Međutim, učestalost ponavljanja u govoru likova i pripovjedača u djelima različitih žanrova upućuje na to da njegova uporaba nije slučajna. Brojevi se mogu smatrati obilježjem stila Dostojevskog, njegovim znakom. U skladu s tim, nameće se potreba za utvrđivanjem njegova značenja.

Sklonost broju četiri očitovala se i u romanu *Idiot* (1868), u kojem je korišten gotovo cijeli brojevi niz. Sklonost brojevima koji konkretiziraju predodžbe čitatelja o predmetima koji izazivaju asocijacije na prosječan broj predmeta, o približnom, „naoko“ označavanju broja, često je prisutna u jednom iskazu lika. Na primjer, u Rogožinovoj priči o slikama u očevoj kući prenose se specifičnosti aukcije na kojoj cijene rastu: „Sve ove slike ovdje“, rekao je, „sve ih je kupio za rubalj ili dva na aukciji pokojni otac, volio ih je. ...evo, slika iznad vrata, također je kupljena za dva rublja, govori, nije smeće. Drugi je roditelju sam za nju davao tri stotine i pedeset rubalja, a Saveljev... pa je povisio na četiri stotine, a prošlog je tjedna svom bratu Semjonu Semjoniču ponudio pet stotina“ (Dostojevski 1989: 219).

Glavnim „svetim“ brojevima istraživači smatraju brojeve „tri“, „pet“ i „sedam“ (Kirillin 2000). Sveto značenje broja četiri, kao važnog umjetničkog detalja, vrlo se rijetko čuje u romanu, ostajući na perifernom polju značenja riječi, primjerice, u priči kneza Miškina o ponašanju osuđenika koji čeka smrt: „svećenik je šuteći prinio križ usnama, takav mali križ, srebrni, četverokraki...“. Lebedev, filozofski karakterizirajući ljudsku prirodu, generalizira: „... uvrijedite taštinu jednog od ovih bezbrojnih prijatelja čovječanstva, i on je odmah spreman zapaliti četiri kraja svijeta iz sitne osvete“ (Dostojevski 1989: 68, 377).

Simbolika broja četiri karakteristična je za *pozadinske* priče junaka Dostojevskog. Na samom početku romana, mladić „u švicarskom ogrtaču,

između ostalog, priopćio je da doista dugo nije bio u Rusiji, više od četiri godine” – u percepciji kneza Miškina, četiri godine je dugo vremena. Sve četiri godine „sjedio je na selu“ i „stalno učio“. Sa stajališta Nastasje Filipovne, to su „četverogodišnja sreća na selu“. Glavna junakinja romana, prema gospodinu Tockom, također je smještena „u seosku kuću, a odrastanje male Nastasje poprimilo je izvanredne razmjere. Točno četiri godine kasnije ova edukacija je završila.“ Započelo je novo četverogodišnje razdoblje u njezinu životu. Za pokvarenoga gospodina to je također bilo „prilično dugo vrijeme, oko četiri godine“, koje je proživio „mirno i sretno, s ukusom i raskošno“, ne razmišljajući o posljedicama: „Tocki si dugo nije mogao oprostiti jer je četiri godine gledao, a nije vidio“ (Dostojevski 1989: 43, 46).

Broj četiri u umjetničkom je svijetu romana svojstven stvaranju efekta *autentičnosti i jasnoće*. Označavanjem dužine, visine, volumena, kao i broja predmeta naglašava se posebnost stvari koje ispunjavaju poetičnu stvarnost, njihovu neobičnost. Ovo je i opis „čudnog predmeta” – paketa s ogromnim novcem koji je Rogožin donio za Nastasju Filipovnu: „Bio je to veliki svežanj papira, visok tri i dugačak četiri vrha³, čvrsto i tijesno zamotanih u ‘Burzovne novosti.’” Grupu mladih ljudi koji su došli knezu Miškinu s optužbama također čine „četiri čovjeka”, predvođena Pavliščevljevim sinom, Nastasja Filipovna s „Rogožinovom bandom” napušta kuću „na četiri trojke sa zvoncima” (Dostojevski 1989: 165, 179).

Rjeđe se četvorka nalazi u *iterativnom pripovijedanju* o svakodnevnim događajima: Gavriilo Ardalionovič „uvijek dolazi na posao srijedom i nikada ne odlazi prije četiri”; Rogožin govori knezu o redu u svojoj kući: „kad me nema, odnesem i ključeve, i nitko bez mene po tri-četiri dana ne ide ni čistiti, tako je to kod mene”; „svi su nosili svoj novac u zalagaonicu i odnijeli su milijarde uz četiri posto kamata” (Dostojevski 1989: 80, 608, 326).

Da bi pojačao dojam *ponavljanja*, pripovjedač ukazuje (suprotno tradiciji) ne na trostruko ponavljanje već na četverostruko ponavljajuću radnju. Dakle, tražeći Nastasju Filipovnu, „učiteljica” je posjetila „četiri mjesta i čak se zaustavila kod Rogožina“. Lebedev obavještava kneza da se s Rogožinom „četiri puta sastajao u prošlom tjednu“ u Pavlovsku.

Broj četiri donosi značenje neke *prekomjernosti, nadilaženja mogućnosti*. Tako, govoreći o liku lihvara Pticina, čiji je krajnji san imati tri kuće u

3 Op. prev. Vrh, rus. вершок (veršok) je stara ruska mjera za duljinu; 1 veršok (vrh) iznosio je 4,445 cm ili 44,45 mm, 1,75 inča.

Petrogradu, pripovjedač zaključuje: „Priroda voli i mazi takve ljude: ona će nagraditi Pticina ne s tri, nego s četiri” kuće. Bogatstvo Pavliščeva, kneževa dobročinitelja, mjeri se brojem kmetova: „u jednom trenutku imali su četiri tisuće duša“ (Dostojevski 1989: 466). Ova naznaka upućuje čitatelje na književnu tradiciju koju je započeo N. V. Gogolj u poemi *Mrtve duše* (1842). Ali, Čičikov je sanjao o stjecanju tisuću duša, a kasnije je tome težio i junak romana A. F. Pisemskog *Tisuću duša* (1858). Dakle, ispada da je materijalni status lika Dostojevskog, postojaniji i solidniji.

Složeni brojevi s korijenom *četir-* prate *skandalozne događaje* i postupke likova. Dakle, Rogožin je sa svim novcem kojeg mu je otac dao za poslovna plaćanja kupio par dijamantnih privjesaka za heroinu, dok je „on ostao dužan četiri stotine rubalja“. Lebedevu je nestalo (ukradeno) četiri stotine srebrnih rubalja, dok su se u sobi nalazile četiri osobe, kako vjeruje žrtva, koji su se „iskoristili za pravdu i za red“ (Dostojevski 1989: 446).

U *fantastičnim*, šokantnim slikama spominje se broj četiri (što nije tipično za folklor) kako bi se stvorila iluzija realnosti onoga što se događa. Ippolit, opisujući svoju viziju strašne životinje, čudovišta, „nalik na škorpiona“, ističe: „Gmaz je dugačak četiri vrha, glava mu je dva prsta debela, prema repu se postupno stanjuje, tako da sam kraj repa nije deblji od jedne desetine vrha“ (Dostojevski 1989: 391). Na kraju romana, nakon što je Rogožin ubio Nastasju Filipovnu, stavio pokraj njezina ubijena tijela „četiri odčepljene boce Ždanovljeve tekućine“⁴ (Dostojevski 1989: 609).

4. ZAKLJUČAK

Rezimirajući izložena zapažanja o funkcijama brojeva u trima romanima Dostojevskog iz 40-ih i 60-ih godina 19. stoljeća, primjećujemo da su broj četiri i njemu srodni brojevi (četрнаest, četiri stotine, četvrtina) najučestaliji. S tim u vezi, može se pretpostaviti da njihova uporaba nije slučajna. Kvantitativne karakteristike koje brojevi označavaju u kontekstu umjetničke cjeline dobivaju dodatno estetsko značenje, kojega je autor u potpunosti svjestan. To su razdoblja od četiri sata, dana, tjedna, godine. Značenje broja četiri povezano je i s označavanjem novčanih iznosa (četvrtina rublja, četiri rublja, četiri stotine rubalja) i značajnoga materijalnog bogatstva (četiri kuće, četiri tisuće kmetova). Poetika broja u djelima Dostojevskog ne karakterizira

⁴ Sredstvo za neutralizaciju mirisa i dezinfekciju, izumljeno u Rusiji 40-ih godina 19. st. Tekućinu je izumio N. I. Ždanov.

racionalnu svijest, težnju da se sve prebroji, izmjeri, utvrdi izračunom, već prenošenje neodređenoga dojma mnoštva, količine, značajnoga za druge. U numerologiji Dostojevskog, koji je često koristio broj „četiri”, očituje se piščeva želja za odmakom od tradicionalne mistike brojeva, koja postaje poseban umjetnički postupak usmjeren na pojačavanje autentičnosti, stvaranja iluzije stvarnosti i posebnoga umjetničkog efekta.

Irena Mikulaco

Juraj Dobrila University of Pula, Croatia
irena.mikulaco@unipu.hr

Galina Romanova

Moscow City University, Russia
galinroma@mail.ru

The Poetics of the Number “four” in the Novels of F. M. Dostoevsky

SUMMARY

The article considers examples of the frequency of use of the number “four” and related words in Dostoevsky’s novels “Poor People”, “The Humiliated and Insulted”, and “The Idiot”. This number denotes periods lasting four hours, days, weeks, and years, primarily in the heroes’ backstories. This number is no less often used to denote sums of money (a quarter of a ruble, four rubles, four hundred rubles) and great wealth (four houses, four thousand serfs). It is concluded that the poetics of numbers in Dostoevsky’s works do not characterize rational consciousness, the tendency to count, measure, and determine everything by calculation, but rather convey a vague impression of the multitude, quantity, significant for those who surround him. In the numerology of Dostoevsky, who often used the number “four”, the writer’s desire to move away from the traditional mysticism of numbers is manifested, which becomes a special artistic technique aimed at enhancing authenticity, creating the illusion of reality and a special artistic effect.

Keywords: Dostoevsky, numerology, poetics, four, artistic image, sign, meaning